

УДК 903.7

РАКОВИНЫ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2020 г.

Н.В. Кузина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

kuzina-natalia@mail.ru

Поступила в редакцию 25.12.2019

Представлена интерпретация специфической группы материалов природного происхождения из погребальных комплексов, открытых на территории боспорской хоры. Эта группа так называемых экофактов включает подсыпки из морских раковин на уровне дна могил и у входа в гробницы, приношения в виде единичных раковин морских и речных моллюсков. В погребально-обрядовой сфере раковины водных моллюсков были включены в контекст ритуальных действий, обусловленных устойчивыми среди сельского населения архаическими представлениями о трёхчленной модели мира, где море выступало эквивалентом хтонической, нижней сферы. Раковины моллюсков, с одной стороны, выражали идеи изобилия, плодovitости и в этом смысле принадлежали кругу символов богов, воплощавших плодоносные силы природы. С другой стороны, они маркировали нижнюю космическую зону, сопоставимую с хтоническим миром, применялись в обрядах перехода, в которых конституировалась взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира. Экофакты, связанные с водной стихией, несли идею преобразования, в сакральной сфере выступали символами-медиаторами. В этом смысле раковины применялись в ритуалах погребения детей (особенно новорожденных), имеющих у древних статус лиминальных существ, воплощавших жизненное начало. Они помещались в сакральном пространстве на границе земного и потустороннего миров и требовали особого обхождения после смерти.

Ключевые слова: некрополи, Крымское Приазовье, модель мира, Боспор, хора, обряды перехода, сакральное пространство, медиаторы, море, раковины.

Раскопки некрополей дали разнообразный материал для изучения погребально-поминальной обрядности и религиозно-мифологических представлений сельского населения Европейского Боспора. Наряду с артефактами, традиционно привлекающими внимание исследователей (фрагментами посуды, терракотами, монетами и пр.) в погребальных комплексах нередко встречаются материалы природного происхождения. Среди предметов такого рода наиболее часто попадаются так называемые экофакты, связанные с водной стихией. Это раковины морских моллюсков – мидии (*Mytilidae*), устрицы (*Ostreidae*), венус (*Veneridae*), сердцевидки (*Cardiidae*), каури (*Cypraeidae*), а также пресноводных моллюсков – перловица (*Unionidae*), беззубка тяжелая (*Unionidae*).

В захоронениях раковины, в основном морских моллюсков, представлены как в форме подсыпок на дне или в засыпи могил [1, с. 100, 101, 106, могилы № 3, 7, 8, 26, 35, 80], так и единичными находками в том или ином археологическом комплексе. Считать такие находки случайными невозможно, поскольку, помещенные в могилы, эти вещи изменяли свою сущность и своё назначение, переходили в сферу,

подвластную хтоническим богам, и обретали символическое значение. Объекты как созданные человеком, так и природного происхождения, в целом не имея изначального самостоятельного культового смысла, попадая в сакральное пространство некрополя, очевидно, наделялись новыми функциями и включались в систему погребального обряда. Непосредственная цель погребально-поминального обряда – обеспечение перехода умершего из одного мира в другой. Ритуальные действия, сопутствующие этому процессу, были направлены на восстановление нарушенного смертью миропорядка. Отметим, что истолкование символического значения некоторых археологических находок из погребений – довольно сложная задача с неизбежной долей субъективности и условности. Тем не менее детали погребального обряда позволяют проследить некоторые особенности религиозного мировоззрения рядового боспорского населения.

Традиция подсыпок из морских раковин засвидетельствована в большинстве известных сельских некрополей Крымского Приазовья: Золотое [1, с. 100–101, 104–105, 108–112, могилы № 6, 24, 29, 31, 51, 53, 57, 108, 111, 116, 124,

134, 158, 166, 237], Сиреневая бухта, Сююрташ [2, с. 161], могильник у деревни Ново-Отрадное [3, с. 89, 93, 99, 105, 109]. Так, в некрополе Золотое в могилах с детскими погребениями раковины покрывают всё дно, в склепах с погребениями взрослых ракушки присутствуют у выхода из погребальной камеры, иногда под головами или на дне могилы, под тазом погребенных [1, с. 23, 102–104, 107, 112, могилы № 43, 48, 101, 170]. Соответствующий анализ показывает, что на территории Крымского Приазовья подсыпка из морских раковин присутствовала примерно в четверти всех раскопанных гробниц I в. до н. э. – III в. н. э. и даже немного более поздних. Причем, чаще всего в детских захоронениях [2, с. 161].

Штучные находки раковин мидий, каури, перловиц, устриц, беззубок среди погребального инвентаря встречаются в некрополях также чаще всего в детских захоронениях. Так, например, в некрополе античного городища Артезиан крупные створки мидий, перловицы, раковины каури в количестве 1–2 штук сопутствовали в основном младенческим захоронениям (детям в возрасте от 6 мес. до 1–3 лет) I в. до н. э. – первых веков н. э. При этом в одном случае две большие створки мидии были обнаружены в комплексе с терракотами всадников и бусинами с изображениями Афродиты и Гарпократа; в другом случае раковина каури дополняла находки, связанные с дионисийской символикой (подвески в виде амфориска и виноградной грозди) [4, с. 33–34, 54, 62, 103, гробн. 14/2000, 55/2001, 70/2002, 201/2005]. В погребениях I в. н. э. некрополя Золотое также присутствуют остатки приношений в виде единичных раковин пресноводного моллюска, помещенных в краснолаковую чашу или рядом с ней. В одном из детских погребений того же времени створки мидий располагались у ног костяка [1, с. 100–101, могилы № 15, 25 (погр. 1), 28]. В детских захоронениях встречаются и амулеты в виде просверленных раковин двустворчатых моллюсков и каури. Так, например, в погребении грудного младенца I в. н. э. в некрополе городища Артезиан маленькая раковина морского моллюска играла роль подвески в ожерелье [4, с. 89, гробн. 135/2003]. Такого рода находки известны и в детских погребениях первых веков нашей эры некрополей Золотое, Сююрташ, Сиреневая бухта [1, с. 100–101, 106–108, могилы № 15, 30, 91; 2, с. 168, 170–171]. Раковины морских и речных моллюсков иногда встречаются и в захоронениях взрослых людей, в основном в женских погребениях. Подтверждением таких случаев может служить находка нескольких морских раковин в погребении

взрослых людей в некрополе Золотое [1, с. 102, склеп 44/2, погр. 2, 3].

В целом, примеров присутствия в боспорских погребениях раковин водных моллюсков можно привести немало, причём не только на территории Крымского Приазовья, но и в сельских и городских некрополях Черноморского побережья: Кыз-Аул [1, с. 22–23], Китей [5, с. 147], Нимфей [6, с. 71, 78, 116, 140]. Единичные находки раковин в комплексах погребального инвентаря интерпретируются исследователями как атрибуты, связанные с культами плодородия, женскими божествами, сакральные обереги [7, с. 138; 4, с. 34], медиаторы в обряде перехода [8, с. 49], остатки напутственной пищи [1, с. 27]. Отмечается и их возможное бытовое использование в качестве ёмкостей для пищи и питья, ложечек для кормления младенцев [4, с. 34], туалетных сосудов для румян и белил [1, с. 27; 9, р. 66, 70–71]. Неоднозначно решается и вопрос о происхождении традиции использования морских раковин в погребальной обрядности, в частности обычая оставлять подсыпки из раковин морских моллюсков на дне могил.

А.А. Масленников отмечает, что обычай подсыпать дно могил слоем морских раковин как элемент погребального ритуала характерен для прибрежных некрополей Европейского Боспора и, прежде всего, сельской территории [2, с. 161]. По мнению Е.Г. Кастанаян [10, с. 288], Т.М. Арсеньевой [3, с. 146], О.Д. Чевелёва [11, с. 87] и некоторых других исследователей, этот обычай восходит к негреческим погребальным традициям и свидетельствует о существовании связей с населением Тамани и Прикубанья: подсыпки дна могил песком и ракушкой встречаются в синдо-меотских могильниках, в некрополях Таманского полуострова, Прикубанья, в Тузлинском некрополе [10, с. 288]. А.А. Масленников отмечает, что в V–II вв. до н. э. в довольно многочисленных, явно варварских гробницах Приазовья (каменные ящики с кольцевыми оградками) такого рода подсыпки не встречались ни разу [2, с. 161]. Напротив, раскопки античных сельских святилищ Приазовья показали обязательное присутствие подсыпок из раковин моллюсков семейств *Cardiidae* и *Veneridae* на уровне полов помещений, имеющих сакральное значение, в заполнении жертвенников; часто встречаются среди приношений и вотивы в виде отдельных относительно крупных раковин мидий, устриц или сердцевидок, клешней крабов [12, с. 79, 99, 117, 124, 145, 160, 176, 201, 242, 251, 283, 295, 312, 356, 364, 373, 388, 411, 493]. Отметим также, что раковинами в Греции было принято посыпать помещения с сакральными функциями [13, р. 299–300]. А

слой морского песка на дне могильной ямы встречается и в некрополях Греции (например, в некрополях Эретреи, Элевсина) [10, с. 288]. Кроме того, единичные раковины морских двустворчатых моллюсков часто встречаются в составе погребального инвентаря в детских и женских захоронениях в некрополях Керамика в Афинах, Танагры, Олинфа, Коринфа, Аканфа, на островах Астипалея и Родос. Причём в некрополе Керамика самое раннее захоронение ребёнка (кремация), включающее раковину морского моллюска, датируется концом X в. до н. э. Такие находки также довольно широко представлены среди погребального инвентаря в ингумациях VI–V вв. до н. э. и встречаются в погребениях более позднего времени [9, р. 58–66, 70]. В целом же обычай помещать морские раковины в погребения имел очень древнее происхождение, восходящее к эпохе верхнего палеолита [14, с. 217–218], и получил развитие в различных культурах [подробно об этом: 14, с. 216–223]. В Греции такого рода приношения фиксируются в погребениях начиная с эпохи бронзы и встречались в шахтовых гробницах Микен и детских захоронениях микенского периода в районе Агоры в Афинах [9, р. 62]. Таким образом, в греческой погребальной практике использование раковин двустворчатых морских моллюсков было распространённым явлением. Истоки обычая оставлять подсыпки из морских раковин в некрополях Боспора, вероятно, следует связывать как с природной спецификой и близостью к морю, так и с особыми локальными религиозными традициями, архаическими по своей форме и содержанию.

Как мы отмечали выше, подсыпки, подношения и амулеты из морских и речных раковин на Боспоре (как и в Греции) чаще встречаются в детских погребениях. Обращаясь к археологическим реалиям боспорских некрополей, в ряде случаев можно отметить отличие погребений детей (особенно младенцев) от взрослых [8, с. 47], что, видимо, было обусловлено иной функцией умершего ребёнка в погребально-поминальном обряде. В архаической мифоритуальной системе ребёнок (младенец) имел особый семантический статус. Этот аспект наиболее ярко выражен в античной традиции, нашедшей отражение в мифах о божественных младенцах, где детский образ несёт определённую смысловую нагрузку. Тема рождения и детства представлена в «биографиях» практически всех олимпийских богов (Зевса, Аполлона, Артемиды, Гермеса, Диониса), их потомков (Асклепия, Пана, Плутоса, Эрихтония, Эрота) и героев (Ахилла, Геракла). Значительная по объёму часть мотивов в мифологии богомладенца

имела древнее происхождение, уходящее корнями в народные верования. Как отмечает А.А. Рыбакова, анализируя мифологические сюжеты, божественный ребёнок помещался на границе реального и потустороннего миров и обретал статус лиминального существа, не относящегося ни к области живых, ни к миру мёртвых, связанного с тремя из четырёх выделяемых в античной мифологии стихий: землей, водой и огнём [15]. Для мифологического, архаического сознания были характерны космогоническая трактовка стихий и представления о трехчленной модели мира. С гомеровских времён в структуре Космоса выделялись три уровня: верхнее мифологическое, земное и нижнее мифологическое [16, с. 27–28; 17, с. 216–218; 14, с. 148–150]. Стихии мыслились лежащими в основе мира и представлялись тем «строительным материалом», из которого создавалась вселенная [18, с. 750–751]. Космогонические представления раскрывают процесс становления мира, оформление его структуры, включают в себя идею периодического обновления Космоса [19, с. 6–9]. Материалы сакральных комплексов (святилищ и некрополей) городов и сельских поселений позволяют характеризовать сознание боспорян как архаическое, традиционное, практически не менявшееся в течение тысячи лет. Условия жизни на освоенных землях неизбежно воспроизводили архетипы архаического мироощущения. Их консервации способствовало и варварское окружение, при взаимодействии с которым развивалось боспорское общество [20, с. 167]. В соответствии с архаическими воззрениями конструировались модель мира, представления о пространстве и конституирующих, принадлежащих ему элементах. Очевидно, определённое место в этой знаковой системе, в качестве маркеров стихий, занимали символические предметы и объекты природного происхождения. К этой системе, видимо, были причастны и не прошедшие процесс социализации, ещё принадлежавшие миру природы младенцы, которые в мифоритуальной системе имели специфический статус. В воззрениях древних ребёнок, воплощая плодородное жизненное начало, символизируя потенциальную жизнь, был синонимичен зерну или яйцу. В этом смысле преждевременная смерть ребёнка несла опасность для социума как всякое нарушение миропорядка [8, с. 53]. Вместе с тем, младенец воспринимался как принадлежащий другому миру и, будучи ещё не включённым в социум, находясь в состоянии перехода, приобретал статус лиминального существа, становясь медиатором, связующим звеном между мирами в непрекращающемся цикле смертей и возрождений. В

погребально-обрядовой сфере ребёнок мог быть осмыслен как хтонический образ, имеющий отношение и к миру мёртвых, и к миру живых, но не принадлежащий полностью ни одному из них, наделённый представлениями о плодородии, воплощающий идею жизни, скрытой в недрах земли. Этот статус маркировали сопутствовавшие погребениям жертвоприношения, а также атрибуты природного происхождения. Археологические данные свидетельствуют о том, что и в Греции недоношенные, новорожденные и дети до трёх лет составляли особую категорию усопших. Их нередко хоронили в специально отведённых местах, а специфический статус погребённых подчеркивался сопутствующими жертвоприношениями собак [21]. Не последнее место среди приношений, маркирующих особый семантический статус погребённого, занимали рассматриваемые нами экофакты – раковины морских (морского гребешка, мидий, каури) и пресноводных моллюсков (перловицы).

Раковины моллюсков (морского гребешка, мидий, перловицы, каури) как в погребально-поминальной обрядности, так и в ритуальной практике святилищ принадлежали кругу хтонических атрибутов. В воззрениях древних водная стихия – символ, сочетавший в себе два противоположных, но в то же время взаимосвязанных начала. С одной стороны, она (водная, морская стихия) олицетворяла порождение, была связана с плодородием и изобилием, рождающим лоном, воплощением женского начала и эквивалентна земле [22]. С другой – знаменовала финал, выступая эквивалентом подземного, хтонического мира, хаоса [23, с. 78, 251]. Хаос воды, предшествовавший сотворению, символизировал возвращение к аморфному состоянию, наступающему со смертью, возвращение к зачаточному виду существования. Как отмечает М. Элиаде, появление на поверхности воды знаменовало собой повторение космогонического акта, в результате которого сущее обрело форму, погружение же было равнозначно растворению форм [14, с. 229]. Поэтому символика вод дихотомична: воплощала как идеи смерти, так и возрождения.

Как водный обитатель морской или пресноводный моллюск сохранял свою символическую принадлежность нижнему миру, миру хаоса, с которым, как мы уже отмечали, ассоциировались водная стихия, море. Будучи сокрытыми в грунт, помещёнными в погребение, раковины воплощали переход между земным и нижним (хтоническим) миром. Подсыпка же из раковин на уровне дна могилы, а также у входа в погребальную камеру могла символизировать

границу между земной и хтонической сферой в рамках представлений о трёх уровнях мироздания. В этом контексте показательны находки морских раковин также и в грунтовом заполнении практически всех ларей-алтарей, жертвенников, открытых в разновременных сельских святилищах Крымского Приазовья [12, с. 113–118, 124–125 и далее; 24]. С темой символической маркировки границ и перехода между мирами можно связывать и присутствие раковин в комплексах с жертвоприношениями собак, которые в античном религиозном мировоззрении принадлежали одновременно двум мирам: упорядоченному, воплощавшему земную жизнь, и нижнему, хтоническому и считались проводниками в подземный мир [25; 26, с. 87]. Останки животных покоились на подсыпке из раковин двустворчатых моллюсков [12, с. 419, 442]. Идею символической маркировки границ отражает и использование морских раковин при совершении строительных жертвоприношений, в особенности при сооружении помещений сакрального назначения [12, с. 388]. Можно предположить, что и подсыпки из раковин моллюсков на уровне полов в общественных святилищах также выражали символику, связанную с нижним миром, например, обозначали границу между земной и хтонической сферой в рамках воплощенной в сакральном пространстве святилища трёхуровневой картины мироздания [27]. В позднеантичный период в домашней и частной ритуальной практике обитателей сельских поселений Крымского Приазовья наблюдалось следование тем же архаическим культовым традициям, что и в общественных святилищах. Подсыпки из раковин морских двустворчатых моллюсков, в сочетании с костями животных, рыб и вотивными предметами и выступают неотъемлемыми элементами домашних сакральных комплексов в это время. Такого рода комплексы (жертвенники) зафиксированы на поселениях «Генеральское – Восточное», «Зелёный мыс», «Золотое Восточное – в бухте», на мысе Зюк и поселении «Салачик». По большей части они располагались в углах помещений и так или иначе были связаны со стенами строений: либо примыкали к ним, либо находились в основании или, по сути, внутри них в специальных нишах. В большинстве случаев там находились черепа и отдельные кости собак, а также коз, овец, коров, лошадей, поросят, птиц и осетровых рыб. Они были уложены на подсыпки из раковин морского гребешка с сопутствующим керамическим набором и перекрыты слоем золы или золы и глины. Жертвоприношению сопутствовали находки закрытых и открытых вотивных сосудов, светильников, курильниц и ино-

гда монет [12, с. 511–516]. Само местоположение жертвенников отражало (хотя бы отчасти) общеиндоевропейские представления о доме как своего рода модели земного мира [12, с. 521], и упомянутые жертвоприношения, вероятно, были частью символических действий, конституирующих взаимосвязи между уровнями мироздания, маркирующих границы между мирами и имеющих охранно-магический смысл.

Присутствие раковин моллюсков как в погребальных комплексах, так и в святилищах было неразрывно связано с темой плодородия, изобилия и рождения. Во все времена рыболовство занимало важное место в хозяйственной деятельности боспорского населения, о чём свидетельствуют многочисленные находки в жилых и сакральных комплексах рыболовных грузил из ручек амфор и известняка, рыболовных крючков разного размера, игл для плетения сетей. Рыба и съедобные моллюски составляли неотъемлемую часть рациона боспорян. В этой связи показательны находки костей рыб и насыщенность раковинами съедобных моллюсков зольно-мусорных напластований на территории поселений или рядом с ними, а также находки фрагментов рыбных блюд. Согласно письменным источникам рыбные богатства Меотиды и Понта Эвксинского были хорошо известны и высоко ценились греками (Athen., VII, 21; Polyb., IV, 38, 4; Strabo, VII, 4, 6; 6, 2; XI, 2, 4), а рыболовный промысел на Боспоре был популярен во все времена [28, с. 208–214; 29]. В данном контексте раковины съедобных моллюсков (как морских, так и речных) могли символизировать дары водной стихии и изобилие.

Будучи водным обитателем, моллюск принимал на себя и часть символики водной стихии, связанной с темой рождения. Кроме того, раковины двустворчатых моллюсков ассоциировались с женской символикой, в силу уподобления женскому детородному органу они выражали творческое, рождающее женское начало¹. Благодаря наделению животворной силой этот атрибут воплощая идею вселенского лона и соотносился с темой рождения [14, с. 209–216]. В Греции раковинам морских моллюсков приписывались защитные свойства, они считались апотропеями беременных женщин и рожениц [9, р. 67]. В литературе, посвященной исследованию религиозного мировоззрения и культовой практики эллинов, атрибуты в виде раковин чаще всего соотносятся с культом Афродиты в ипостасях Анадиомены и Понтии [30, с. 55–56; 31, с. 34], а также связываются с образом Афродиты-Исиды в материнской ипостаси и культом нимф [9, р. 67, 70–71]. С приношени-

ями нимфам, в частности, ассоциируют находки раковин морских моллюсков в Корикийской пещере вблизи Дельф [32; 9, р. 67]. На Кипре ожерелья из раковин посвящались Афродите (Plin. Nat. hist. IX, 30; XXXII, 5). Изображения богини в сочетании с двустворчатой раковиной широко представлены в античном искусстве [33, с. 295; 34, р. 52–53]. Среди них есть и те, которые найдены на территории Боспора. Например, известный аттический фигурный сосуд первой четверти IV в. до н. э. из раскопок некрополя Фанагории, представляющий протому Афродиты между двумя створками раковины морского гребешка (ГЭ, инв. № Фа. 869-9), терракотовые статуэтки из Мирмекия, передающие образ богини, сидящей на фоне раскрытой раковины [35, с. 37, табл. XII, б]. Данный иконографический тип изображений богини иллюстрирует некоторые детали мифа о её рождении, согласно которому, возникнув из пены морской, Афродита добралась до берега в раковине. Связь с морской стихией подчеркивает и сообщение Павсания о том, что кормилицей Афродиты являлась Таласса – богиня моря – дочь Эфира и Гемеры, жена Понта (Paus. II, 1, 8). Афродита в хтонической ипостаси мыслилась и как божество, тесно связанное с загробным миром. Об этом позволяют судить многочисленные и разнообразные памятники погребального культа с изображениями богини, её спутников и атрибутов [36, с. 56; 37, с. 331–334]. В этом смысле может быть показательной и упомянутая выше находка двух больших створок мидий в комплексе с терракотами всадников и бусинами с изображениями Афродиты и Гарпократа в детском погребении I в. до н. э. – I в. н. э. в некрополе городища Артезиан в Крымском Приазовье [4, с. 33–34].

Отметим также и сочетание в погребениях раковин водных моллюсков с находками семян и зёрен, приношениями в виде яиц птиц, кусочками мела и красной краски, камешками, которые также играли символическую роль в погребальном обряде, воплощая идеи возрождения и обновления, очищения, плодородия, будучи связанными со стихиями огня, земли². При этом в большинстве случаев они входили в неповторяемый по сочетанию предметов набор погребального инвентаря. Подбор атрибутов, помещавшихся в погребения, обусловлен сакральным смыслом погребального ритуала, и все предметы, положенные в могилу, так или иначе были связаны с культами и воплощали определённые элементы представлений об устройстве мироздания. Применение в погребальном обряде природных объектов в целом отражает прочность бытования среди сельского населения рудиментов первобытных религий и верований,

общих для архаического мироощущения как греческого, так негреческого населения.

В погребально-поминальной сфере раковины морских и речных моллюсков, с одной стороны, выражали идеи изобилия, плодovitости и в этом смысле принадлежали кругу символов богов, воплощавших плодоносные силы природы. С другой стороны, раковины морских и пресноводных моллюсков в погребениях могли соотноситься с причастной космогоническому процессу символикой водной стихии и воплощать идею нового рождения, обновления. Как маркеры нижней космической зоны, медиаторы между мирами в непрекращающемся цикле смертей и возрождений они играли важную роль в обрядах перехода, в которых конституировалась взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира. В этом смысле раковины применялись в ритуалах, сопутствовавших погребению детей (особенно новорожденных), которые в представлениях древних наделялись статусом лиминальных существ, воплощавших идею жизни, и помещались в сакральном пространстве на границе земного и потустороннего миров и требовали особого обхождения после смерти.

Примечания

1. Анализ символики морских раковин и жемчуга в широком историко-культурном контексте дан в работах М. Элиаде [например: 14]. Автор привлекает разнообразный этнографический и археологический материал, раскрывающий особое (сакральное) отношение к этим атрибутам в различных культурах.

2. Интерпретации природных объектов в погребально-поминальной обрядности населения Европейского Боспора будет посвящена отдельная статья.

Принятые сокращения

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН.

МНМ – Мифы народов мира.

Список литературы

1. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев: Наукова Думка, 1983. 183 с.
2. Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // Древности Боспора. Вып. 3. М., 2000. С. 136–200.
3. Арсеньева Т.М. Могильник у деревни Новоотрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э.: Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. № 155. М., 1970. С. 82–150.
4. Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Симферополь – Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского, 2014. 680 с.
5. Тульпе И.А., Хршановский В.А. Эллинистический ритуальный комплекс на некрополе Китея // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. С. 146–154.
6. Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.
7. Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. СПб., 2001. С. 133–139.
8. Тульпе И.А. Некрополи для детей // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы науч. конф. / Сост. В.А. Хршановский. СПб., 1998. С. 47–53.
9. Stroszeck J. Grave Gifts in Child Burials in the Athenian Kerameikos: The Evidence of Sea Shells // L'enfant et la mort dans l'antiquité III. Le Matériel associé aux tombes d'enfants. Actes de la table ronde internationale organisée à la Maison Méditerranéenne des Sciences de l'Homme d'Aix-en-Provence, 20–22 janvier 2011 / A. Hermary, C. Dubois (eds.). Aix-en-Provence 2012. P. 57–73.
10. Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н. э. и местные их особенности // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. № 69. М., 1959. С. 257–296.
11. Чевелёв О.Д. Новые погребения кызаульского некрополя // КСИА. Вып. № 182. М., 1985. С. 84–89.
12. Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. М. – Тула: Гриф и К, 2007. 564 с.
13. Stoud R. The sanctuary of Demeter and Kore on Acrocorinth: Preliminary report II: 1964–1965 // Hesperia. 1968. № 37/3. P. 299–330.
14. Элиаде М. Образы и символы. Эссе о магико-религиозной символике / Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова // Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М., 2000. С. 125–247.
15. Рыбакова А.А. О семантике божественных детей в древнегреческой религии // Из истории античного общества: сб. науч. тр. Вып. 11 / Под ред. А.В. Махлаюка. Н. Новгород, 2008. С. 26–56.
16. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
17. Лебедева Ю.И. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея» // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 216–222.
18. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1996. 975 с.
19. Топоров В.Н. Космогонические мифы // МНМ. Т. 2. М.: Российская энциклопедия, 1994.
20. Тульпе И.А., Хршановский В.А. Сакральное пространство некрополя // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища: Материалы Международной науч. конф. Ч. I. СПб., 2002. С. 161–167.
21. Bourbou C., Themelis P. Child Burials at Ancient Messene // L'enfant et la mort dans l'Antiquité I, Nouvelles recherches dans les nécropoles grecques: Le

signalement des tombes d'enfants, Table ronde, Athènes, Ecole française d'Athènes, 29–30 mai 2008 / A.-M. Guimier-Sorbets, Y. Morizot (eds.). Paris 2010. P. 111–128.

22. Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1994. С. 240.

23. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Владос, 1996. 416 с.

24. Кузина Н.В., Масленников А.А. «Новое» святилище на холме вблизи поселения «Полянка» (раскопки 2012–2013 гг.) // Древности Боспора. Вып. 19 / Гл. ред. А.А. Масленников. М., 2015. С. 213–226.

25. Молева Н.В. Собака в религиозных представлениях боспорян // Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Избранные статьи. Нижний Новгород, 2002. С. 113–116.

26. Молева Н.В. Тандем «заяц – собака» в религиозном мировоззрении древних греков // Артефакты и сакральное в истории Боспора: Коллективная монография / Под ред. А.В. Махлаюка. Н. Новгород, 2017. С. 79–92.

27. Кузина Н.В., Масленников А.А. Находки, связанные с морской стихией, в сельских святилищах Крымского Приазовья // Нуранис. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Вып. 1 / Отв. ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М., 2019. С. 110–118.

28. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.

29. Одрин А.В. Рыболовный промысел Боспора в доримское время // Боспор Киммерийский и варвар-

ский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы / Под ред. В.Н. Зинько. Керчь, 2010. С. 332–336.

30. Молева Н.В. Орудия труда как votivные подношения в Китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора: Коллективная монография / Под ред. А.В. Махлаюка. Н. Новгород, 2017. С. 51–61.

31. Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Пер. с англ. А.А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992. 624 с.

32. Amandry P. Os et coquilles // L'Antre Corycien II. (Bulletin de Correspondance Hellénique, suppl. 9). Athens: École française d'Athènes, 1984. P. 347–380

33. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев: Стилос, 2005. 559 с.

34. Martin J. Les antiquités de Russie méridionale au Louvre collection Messaksoudy // Etudes Bosporanes sur un royaume aux confins du monde gréco-romain / Pascal Burgunder ed. Lausanne: Université de Lausanne, Revue Études de Lettres, 2019. Pp. 23–63.

35. Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л.: Наука, 1981. 206 с.

36. Шауб И.Ю. О культе Афродиты на Боспоре // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы науч. конф. / Сост. В.А. Хршановский. СПб., 1998. С. 54–57.

37. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Филол. фак. СПбГУ, 2007. 484 с.

MOLLUSK SHELLS IN FUNERAL RITES OF THE RURAL POPULATION OF THE EUROPEAN PART OF BOSPOROS: NOTES ON INTERPRETATION

N.V. Kuzina

Findings in burial complexes discovered on the chora of the European part of Bosporos include a specific group of materials of natural origin – layers of mollusk shells at the bottom of graves and at the entrance to tombs, offerings of single shells of sea and river mollusks. Such objects, when placed into the sacred space of the necropolis, were endowed with new meanings and included in the system of the funeral rite. Marine attributes were included in the context of ritual actions determined by the archaic ideas about the world model, which sustained among the rural population during the centuries. According to a three-part model of the world, the sea/water was the equivalent of a chthonic lower sphere. Aquatic mollusk shells, on the one hand, symbolized abundance, fecundity, and in this meaning belonged to the circle of symbols of fertility gods. On the other hand, they marked the lower cosmic zone, comparable to the chthonic world, were applied in the rites of passage, which set up the connection between the levels of the universe in accordance with the archaic model of the world. In this aspect, the shells associated with the water element carried the idea of transformation and were endowed with the functions of mediators. This effect made shells important in rituals that accompanied the burial of children (especially newborns), which, in the ancients' views, had the status of a liminal entity, embodied the idea of life, and were placed in the sacred space on the border of the earthly and extramundane worlds and required special treatment after death.

Keywords: necropolis, Azov Sea coast area of Crimea, model of the world, Bosporos, chora, sepulture, funeral rites, sacred space, mediators, sea, mollusk shells.

References

1. Korpusova V.N. Nekropol' Zolotoe. K etno-kul'turnoj istorii evropejskogo Bospora. Kiev: Naukova Dumka, 1983. 183 s.

2. Maslennikov A.A. Gruntovye nekropoli sel'skih poselenij Karalarskogo poberezh'ya (Vostochnyj Krym) pervyj vekov n. e. // Drevnosti Bospora. Vyp. 3. M., 2000. S. 136–200.

3. Arsen'eva T.M. Mogil'nik u derevni Novo-Otradnoe // Poseleniya i mogil'niki Kerchenskogo poluostrova nachala n. e.: Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vyp. № 155. M., 1970. S. 82–150.

4. Vinokurov N.I. Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e (materialy raskopok 1999–2007 gg.). Simferopol' – Kerch': Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya im. A.E. Krymskogo, 2014. 680 s.

5. Tul'pe I.A., Hrshansovskij V.A. Ellinisticheskij ritual'nyj kompleks na nekropole Kiteya // Bosporskij fenomen: Kolonizaciya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva. SPb., 2001. S. 146–154.
6. Grach N.L. Nekropol' Nimfeya. SPb.: Nauka, 1999. 328 s.
7. Sorokina N.P., Sudarev N.I. Predmety, svyazannye s kul'tami i magiej iz pogrebenij kepskogo nekropolya VI–II vv. do n. e. // Bosporskij fenomen: kolonizaciya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva. Ch. 1. SPb., 2001. S. 133–139.
8. Tul'pe I.A. Nekropoli dlya detej // Bosporskoe carstvo kak istoriko-kul'turnyj fenomen: Materialy nauch. konf. / Sost. V.A. Hrshansovskij. SPb., 1998. S. 47–53.
9. Stroszeck J. Grave Gifts in Child Burials in the Athenian Kerameikos: The Evidence of Sea Shells // L'enfant et la mort dans l'antiquité III. Le Matériel associé aux tombes d'enfants. Actes de la table ronde internationale organisée à la Maison Méditerranéenne des Sciences de l'Homme d'Aix-en-Provence, 20–22 janvier 2011 / A. Hermay, C. Dubois (eds.). Aix-en-Provence 2012. P. 57–73.
10. Kastanayan E.G. Gruntovye nekropoli bosporskikh gorodov VI–IV vv. do n. e. i mestnye ih osobennosti // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vyp. № 69. M., 1959. S. 257–296.
11. Chevelyov O.D. Novye pogrebeniya kyzaul'skogo nekropolya // KSIA. Vyp. № 182. M., 1985. S. 84–89.
12. Maslennikov A.A. Sel'skie svyatilishcha Evropejskogo Bospora. M. – Tula: Grif i K, 2007. 564 s.
13. Stoud R. The sanctuary of Demeter and Kore on Acrocorinth: Preliminary report II: 1964–1965 // Hesperia. 1968. № 37/3. R. 299–330.
14. Eliade M. Obrazy i simvoly. Esse o magiko-religioznoj simvolike / Per. s fr. Yu.N. Stefanova // Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii. Obrazy i simvoly. Svyashchennoe i mirskoe. M., 2000. S. 125–247.
15. Rybakova A.A. O semantike bozhestvennyh detej v drevnegrecheskoj religii // Iz istorii antichnogo obshchestva: sb. nauch. tr. Vyp. 11 / Pod red. A.V. Mahlayuka. N. Novgorod, 2008. S. 26–56.
16. Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe / Per. s fr., predisl. i komment. N.K. Garbovskogo. M.: Izd-vo MGU, 1994. 144 s.
17. Lebedeva Yu.I. Predstavleniya drevnih grekov o prostranstve i vremeni po poemam «Iliada» i «Odiseya» // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2016. № 4. S. 216–222.
18. Losev A.Ф. Mifologiya grekov i rimlyan / Sost. A.A. Taho-Godi; obshch. red. A.A. Taho-Godi i I.I. Mahan'kova. M.: Mysl', 1996. 975 s.
19. Toporov V.N. Kosmogonicheskie mify // MNM. T. 2. M.: Rossijskaya enciklopediya, 1994.
20. Tul'pe I.A., Hrshansovskij V.A. Sakral'noe prostranstvo nekropolya // Bosporskij fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. Ch. I. SPb., 2002. S. 161–167.
21. Bourbou C., Themelis P. Child Burials at Ancient Messene // L'enfant et la mort dans l'Antiquité I, Nouvelles recherches dans les nécropoles grecques: Le signalement des tombes d'enfants, Table ronde, Athènes, Ecole française d'Athènes, 29–30 mai 2008 / A.-M. Guimier-Sorbets, Y. Morizot (eds.). Paris 2010. P. 111–128.
22. Averincev S.S. Voda // Mify narodov mira. T. 1. M., 1994. S. 240.
23. Makovskij M.M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropskikh yazykah. M.: Vldos, 1996. 416 s.
24. Kuzina N.V., Maslennikov A.A. «Novoe» svyatilishche na holme vblizi poseleniya «Polyanka» (raskopki 2012–2013 gg.) // Drevnosti Bospora. Vyp. 19 / Gl. red. A.A. Maslennikov. M., 2015. S. 213–226.
25. Moleva N.V. Sobaka v religioznyh predstavleniyah bosporyan // Moleva N.V. Oчерki sakral'noj zhizni Bospora. Izbrannye stat'i. Nizhnij Novgorod, 2002. S. 113–116.
26. Moleva N.V. Tandem «zayac – sobaka» v religioznom mirovozzrenii drevnih grekov // Artefakty i sakral'noe v istorii Bospora: Kollektivnaya monografiya / Pod red. A.V. Mahlayuka. N. Novgorod, 2017. S. 79–92.
27. Kuzina N.V., Maslennikov A.A. Nahodka, svyazannaya s morskoy stihiej, v sel'skikh svyatilishchah Krymskogo Priazov'ya // Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arheologii IA RAN. Vyp. 1 / Otv. red. V.D. Kuznecov, A.A. Zavojkin. M., 2019. S. 110–118.
28. Kruglikova I.T. Sel'skoe hozyajstvo Bospora. M.: Nauka, 1975. 300 s.
29. Odrin A.V. Rybolovnyj promysel Bospora v dorimskoe vremya // Bospor Kimmerijskij i varvskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Remyosla i promysly / Pod red. V.N. Zin'ko. Kerch', 2010. S. 332–336.
30. Moleva N.V. Orudiya truda kak votivnye podnosheniya v Kitejskom svyatilishche // Artefakty i sakral'noe v istorii Bospora: Kollektivnaya monografiya / Pod red. A.V. Mahlayuka. N. Novgorod, 2017. S. 51–61.
31. Grejvs R. Mify Drevnej Grecii / Per. s angl. A.A. Taho-Godi. M.: Progress, 1992. 624 s.
32. Amandry P. Os et coquilles // L'Antre Corycien II. (Bulletin de Correspondance Hellénique, suppl. 9). Athens: École française d'Athènes, 1984. P. 347–380.
33. Rusyaeva A.S. Religiya pontijskikh ellinov v antichnuyu epohu: Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpijskikh bogov i geroev. Kiev: Stilos, 2005. 559 s.
34. Martin J. Les antiquités de Russie méridionale au Louvre collection Messaksoudy // Etudes Bosporanes sur un royaume aux confins du monde gréco-romain / Pascal Burgunder ed. Lausanne: Université de Lausanne, Revue Études de Lettres, 2019. Rp. 23–63.
35. Denisova V.I. Koroplastika Bospora. L.: Nauka, 1981. 206 s.
36. Shaub I.Yu. O kul'te Afrodity na Bospore // Bosporskoe carstvo kak istoriko-kul'turnyj fenomen. Materialy nauch. konf. / Sost. V.A. Hrshansovskij. SPb., 1998. S. 54–57.
37. Shaub I.Yu. Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n. e.). SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Filol. fak. SPbGU, 2007. 484 s.